

СЛЕДЫ ВЕДУТ В ТЕМНОТУ

ПИСАРЕНКО АЛЕКСЕЙ

Алексей Писаренко

Следы ведут в темноту

<https://litres.ru/74683623>

SelfPub; 2026

Аннотация

Некоторые города хранят тайны. Другие убивают за попытку их раскрыть.

Всё началось с одного сообщения.

«Помоги. Рудень. Садовая, 17».

Двадцатиднолетняя Алина получает его с телефона старшей сестры, бесследно исчезнувшей несколько недель назад. Ни объяснений, ни звонков. Только два слова, незнакомый адрес и пугающая тишина.

Не раздумывая, Алина отправляется на поиски.

Рудень встречает её пустынными улицами, полуразрушенными домами и настороженными взглядами местных жителей. Здесь чужакам не рады, о пропавших предпочитают молчать, а с наступлением темноты люди спешат запереть двери.

Старики шепчутся о проклятии, молодые делают вид, что ничего не происходит. И лишь одна вещь объединяет всех: они чего-то боятся.

Вскоре Алина понимает, что её сестра приехала сюда не случайно. Она искала ответы на вопросы, которые в этом городе запрещено задавать.

Но чем ближе девушка подбирается к разгадке, тем страшнее становятся открытия.

Содержание

Пролог. «Семнадцать»	5
Конец ознакомительного фрагмента.	17

Алексей Писаренко

Следы ведут в темноту

Пролог. «Семнадцать»

Рудень. 1963 год

К тому часу, когда над Руденем погасли последние уличные фонари, он уже трижды пытался повернуть назад.

Первый раз - возле городской аптеки, где из-за неплотно прикрытой ставни тянулась на мостовую узкая полоса света. Второй - на перекрёстке, откуда можно было выйти к железнодорожной станции и уйти из города с первым утренним поездом. Третий - у колодца на Садовой, когда из темноты донёсся знакомый смех.

Смех принадлежал человеку, которого он проводил домой ещё до полуночи. Тот должен был спать в своей постели за три улицы отсюда. И уж точно не мог стоять в пустом переулке, невидимый за густым туманом, и смеяться так, будто слышал неудачную шутку.

Мужчина остановился. Не потому, что поверил услышанному. Напротив, именно поэтому и остановился.

Он слишком хорошо знал, что за последние недели рассказывали о голосах в ночных окнах. Знал и то, кому раньше

передавал эти рассказы. Тогда ему казалось, что он помогает разобраться в опасном городском суеверии. Позже понял: его просили не выяснять, насколько эти истории правдивы, а находить людей, которые к ним прислушивались.

Теперь он боялся не за себя. Мысль об этом впервые показалась почти смешной. Ещё вчера он был уверен, что главное - выбраться живым. Сегодня стало ясно: выйти из Руденя будет уже недостаточно.

Туман шевелился возле колодца, хотя ветра не было. Мужчина плотнее запахнул пальто и пошёл дальше, стараясь попусту не оглядываться. В левом кармане лежал сложенный вчетверо лист бумаги. Он проверял его так часто, что уголки успели размягчиться от тепла ладони. В правом - связка ключей, один из которых он сам достал для тех, кому ложно доверял.

Никаких ключей от того, что находилось под Садовой, семнадцать, быть не могло. И всё-таки он носил их с собой, словно железо способно было напомнить ему, зачем он идёт.

Ещё месяц назад Рудень оставался обычным городом. Утром на площади ругались извозчики, возле булочной спорили о цене муки, школьники перепрыгивали лужи у ограды сада. Старые каменные дома казались мрачными только в непогоду, а огромный особняк на Садовой - всего лишь заброшенным наследством семьи, которой больше не было в городе.

Потом на улицах стали замечать незнакомые двери.

Однажды утром сторож обнаружил узкую арку между двумя складами. Он уверял, что накануне там была сплошная стена. К вечеру арка исчезла. Через несколько дней женщина с Литейной увидела в своём дворе окна соседского дома, снесённого ещё до её рождения. Ей никто не поверил, пока в том же дворе не послышался колокольный звон. Колокольную разобрали много десятилетий назад.

Объяснения находились каждому случаю. Туман. Усталость. Плохой свет. Чужие выдумки. Мужчина сам предлагал эти объяснения - до тех пор, пока не увидел человека в длинном сером сюртуке, проходящего сквозь рыночную площадь, словно стоявшие там торговые ряды были лишь дымом.

Никто вокруг не заметил прохожего. Или сделал вид, что не заметил.

На Садовой дома стояли ближе друг к другу. Здесь туман сгушался, цепляясь за водостоки и выступы карнизов. Под ногами хрустел мелкий щебень. Где-то позади слышались шаги: короткие, быстрые, будто ребёнок пытался догнать взрослого человека.

Он ускорил ход. Шаги тоже ускорились.

До перекрёстка оставалось всего несколько десятков шагов, когда тихий голос произнёс у него за спиной:

- Ты всё равно не успеешь.

Мужчина узнал интонацию. Не голос целиком, только его мягкое, почти заботливое окончание. Так говорили с ним по-

следние недели. Так убеждали, что риск оправдан, что город нельзя оставлять без защиты, что старые меры слишком долго не применяли из-за людского страха и невежества.

Он остановился у стены и повернул голову ровно настолько, чтобы увидеть переулок краем глаза.

Там никого не было...

- Я слышу тебя, - прошептал он.

Ответа не последовало. Зато со стороны особняка раздался негромкий звук, похожий на удар ладонью по деревянной доске... Потом ещё один.

Мужчина стиснул зубы. В эту ночь нельзя было отвечать на то, что обращалось к нему из темноты. Этого он прежде тоже не понимал. Для тех, кто собрался под домом, любой ответ означал согласие. Согласие войти, быть услышанным, оказаться частью происходящего. Они называли это приглашением и объясняли как старинную церемонию вежливости.

Сколько всего они успели перевернуть.

У ворот особняка не было ни сторожа, ни цепи. Две створки, прежде с трудом поддававшиеся усилию, теперь разошлись от лёгкого толчка. Заросший сад лежал перед ним неподвижной тёмной массой. У каменных ступеней он заметил влажные следы обуви. Несколько человек вошли сюда совсем недавно.

Он знал, что так будет. Почти все приготовления он наблюдал лично.

И именно это не позволяло ему надеяться, что всё ещё

обойдётся.

На втором этаже горело окно. Тёплый прямоугольник света странно смотрелся над разрушенной верандой. Крыша над тем крылом провалилась прошлой зимой, но сейчас сквозь туман были видны целые рамы и светлая занавеска за стеклом.

Мужчина остановился так резко, что едва не оступился.

Занавеска шевельнулась. За нею проступил до боли незнакомый, женский силуэт.

Ему показалось, что женщина поднимает руку в приветствии. Но он знал: в этом доме много лет никто не жил, а второму этажу давно нечего было освещать.

Он направился к боковой двери, туда, где прежде помещалась хозяйственная кладовая. Несколько досок у входа были отодвинуты. Изнутри тянуло сыростью, холодным камнем и чем-то едва уловимым, напоминавшим запах старых книг или чего-то бумажного, промокшего от дождя.

На пороге мужчина снова вынул лист из кармана. Он не нуждался в рисунке, чтобы найти дорогу вниз. Это место он изучил лучше, чем любой другой уголок родного города. Но ему нужно было ещё раз взглянуть на знак.

Незавершённая спираль. Одна тонкая линия шла от внешнего края к середине, поворачивая всё теснее, и обрывалась, не дойдя до центра.

Когда-то рисунок показался ему обозначением старого пути, вроде знаков на дорожных столбах. Человек, показав-

ший его впервые, сказал, что так помечали безопасный выход. Мужчина поверил и скопировал знак во все планы, которые готовил для подземных работ.

Лишь вчера он увидел другую, гораздо более старую страстицу. На ней тот же знак был нарисован возле изображения города, охваченного карантинном чумы. Рядом находилась фраза, написанная неровным почерком. Не полный ответ - скорее предупреждение. Но и его оказалось достаточно, чтобы понять: знак указывал не туда, откуда можно выйти.

Он осторожно сложил лист. Если всё закончится благополучно, бумагу следовало бы уничтожить. Если нет - пусть хоть кто-нибудь однажды увидит, что он пытался понять свою ошибку.

Из темноты лестницы потянуло слабым теплом. Снизу донёсся разговор нескольких людей.

- Он обещал прийти, - сказал один голос.

- Тогда дождёмся, - ответил другой.

Мужчина узнал обоих. Он сидел с ними за одним столом, участвовал в собраниях, приносил карты и переписывал из архивов сведения о старых ходах. Они не казались ему жестокими или безумными. Напротив: люди, уставшие от бедности, болезни и бесконечного городского упадка, хотели поверить, что способны что-то исправить... своими силами.

Обещание было простым. Рудень пережил одну страшную эпидемию чумы; значит, существовал способ не допустить следующей. Достаточно выполнить то, что когда-то бы-

ло прервано. Достаточно восстановить связь с тем, что будто бы охраняло город прежде.

Сначала он поверил не словам о силе, а их уверенности. Уверенность притягивала куда сильнее любых старинных документов.

Теперь он знал, насколько дорого люди платят за чужую уверенность.

Лестница вела в низкое каменное помещение. Свет керосиновых ламп ложился на стены неровными пятнами. Через проход справа можно было попасть к старым хозяйственным погребам. Слева тянулся коридор, построенный в пору тех самых чумных карантинных. Влажная кладка хранила едва различимые следы инструментов. По этим ходам когда-то перемещались работники, стараясь не пересекаться с жителями города.

На стене у поворота был вырезан тот самый знак. Он провёл по нему пальцем и почувствовал, как подушечки коснулась сухая каменная пыль.

Спираль обрывалась прежде, чем достигнуть середины.

Он почему-то вспомнил мальчишку из городской типографии, который однажды, увидев копию рисунка на его столе, спросил, почему линия не доведена до конца. Мужчина тогда отмахнулся. Дети всегда замечают то, мимо чего взрослые проходят с готовыми объяснениями.

Из-за поворота донеслись голоса. Он спрятал лист в карман и прошёл дальше.

В последнем зале горело семь масляных ламп. Их поставили вдоль стен, и свет отражался в тёмных пятнах влаги на затоптанном полу. Возле дальней арки стояли люди. Никто не носил масок и странных одежд: обычные пальто, пиджаки, тёплые платки. Это делало происходящее ещё более неправдоподобным.

Посреди зала находился длинный стол. На нём лежали листы с записями, несколько предметов из старого дома и городская карта, которую он сам перерисовал с архивного оригинала. В одном месте карандашный контур города был переречён. В другом кто-то начертил незавершённую спираль.

Когда он вошёл, разговор прекратился.

- Мы уже начали, - произнёс стоявший у стола человек.

В голосе не было ни удивления, ни упрёка. Лишь доброжелательность, от которой у мужчины похолодели ладони.

- Тогда остановитесь, - ответил он.

Кто-то коротко рассмеялся. Другие переглянулись, но не стали делать поспешных действий.

- Ты сам убеждал нас, что старые проходы нужно открыть.

- Я ошибался.

- Ты испугался. Говори прямо.

Он хотел сказать, что одно не исключает другого. Но тратить время на спор было нельзя. За людьми в глубине зала виднелась массивная дверь, утопленная в каменную арку. Раньше на ней лежала такая густая пыль, что невозможно

было разобрать рельеф. Теперь металл был расчищен. На поверхности угадывались линии, сложенные в знакомую незавершённую спираль.

Человек у стола проследил за его взглядом.

- Ты видишь? - тихо спросил он. - Всё верно. Значит, мы не зря искали.

- Вы не знаете, что откроете.

- Знаем достаточно. Не мешай!

Мужчина вспомнил страницу из старого дела, которое нашёл вчера. Под ней стояла подпись человека, жившего задолго до появления большинства современных улиц. Тот писал о днях, когда дома становились чужими, а люди слышали голоса за стенами. И о том, что страшнее самого голоса бывает желание ему поверить.

- Нет, - сказал мужчина. - Вы знаете только то, что вам позволили узнать.

В ответ никто не поднял голоса. Это было хуже крика. Люди уже приняли решение и теперь ждали, когда он отойдёт.

Тогда с другой стороны двери послышалось скребущее движение, словно кто-то медленно провёл ладонью по дереву.

Но дверь была железной. И это было странно.

Одна из ламп моргнула. На мгновение между стоявшими у стены людьми проступил ещё один силуэт: высокий, неподвижный, одетый не так, как остальные. Мужчина успел различить светлую полосу воротника, прежде чем фигура ис-

чезла.

Никто не оглянулся.

Он перевёл взгляд на карту. Именно здесь была его ошибка, понял он. Не в том, что он показал им подземную лестницу. Не в том, что принёс ключи. Всё это было лишь началом. Главную работу он выполнил тогда, когда соединил разрозненные записи и сделал их понятными. Людям, стоявшим перед дверью, оставалось только следовать готовому порядку.

И кто-то уже следовал ему.

Из ближайшего коридора донёсся женский голос:

- Откройте. - небольшая пауза. - Здесь холодно.

Один из участников вздрогнул. Он узнал голос, и по его лицу мужчина понял кого.

- Не отвечай, - быстро сказал он.

Женщина за стеной позвала снова, на этот раз мягче. Голос звучал почти ласково. В нём была небольшая ошибка, которую трудно было объяснить словами: знакомая интонация запаздывала, как плохо выученная фраза.

Человек у стола протянул руку к лежавшей перед ним записи.

Мужчина шагнул ближе.

- Не трогай! - предупредили его.

Он остановился. Если он сейчас бросится к двери, его удержат. Если начнёт спорить, потеряет остаток времени. Если попытается объяснить, откуда узнал правду, придётся на-

звать документы, которые могут уничтожить ещё до рассвета.

Он медленно опустил руки.

- Хорошо, - произнёс он. - Только сначала посмотрите сюда.

Люди невольно повернули головы.

Это было всё, что ему требовалось в ту секунду: чужое внимание, оторванное от двери.

Он положил на край стола сложенный лист со спиралью. Не для того, чтобы показать знак. Он хотел, чтобы стоявший напротив узнал собственную работу: исправления, сделанные чужой рукой на старой архивной копии. Тот наклонился ближе.

Дальнейшее произошло так быстро, что мужчина позже не смог бы восстановить порядок движений. Он увидел дрогнувший огонь лампы, услышал чужое возмущённое восклицание, почувствовал, как кто-то схватил его за рукав. На столе разъехались листы. Один предмет ударился о камень и покатился куда-то дальше в темноту.

Порядок, которому они так старательно следовали, нарушился.

И в ту же секунду со стороны двери раздался звук, будто по огромному пустому дому прошла тяжёлая волна. Лампы загорелись ярче, чем могли. Тени на стенах вытянулись и перестали совпадать с фигурами людей. За аркой, там, где прежде находился закрытый проход, открылся вид на улицу.

Не на улицу Руденя 1936 года.

Мужчина увидел длинный ряд домов с низкими крышами и окнами, закрытыми деревянными щитами. На мостовой горели факелы. Далеко впереди медленно двигалась повозка, которой не могло быть в современном городе. Всё было покрыто плотной белёсой дымкой, и в этой дымке кто-то стоял, повернувшись к нему лицом.

Он не сумел рассмотреть черты.

Зато услышал, как из-за спины один из участников тихо произнёс имя своей давно умершей матери.

- Не смотри туда! - крикнул мужчина.

Но предупреждение опоздало. Несколько человек уже глядели на улицу за дверью так, словно узнавали её, хотя разница явно измерялась не годами, а веками. Один сделал шаг к арке, потом другой. Остановился ли он сам или его удержали, мужчина не понял: под ногами странно качнулся камень.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.